

Проблема праславянской прародины въ научномъ освѣщеніи А. А. Шахматова.

Вопросъ о томъ, гдѣ находилась колыбель славянскаго племени, представляетъ загадку, которая еще не нашла мудраго Эдипа. И это понятно. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что разсуждать объ эпохахъ, отъ которыхъ не дошло никакихъ непосредственныхъ памятниковъ, есть вообще крайне неблагоприятное дѣло: не имѣя прочной опоры въ прямыхъ историческихъ свидѣтельствахъ и показаніяхъ, изслѣдователь принужденъ въ такихъ случаяхъ шествовать не индуктивнымъ путемъ, а дедуктивнымъ, соображая общія условія жизни народа въ данную эпоху и заключая на основаніи послѣдующихъ событій о предшествующихъ. Но дѣйствовать такъ не значитъ-ли дѣйствовать не методически, а ощупью, наугадъ? Въ частности, въ проблемахъ праславянскаго характера, какъ, напр., о происхожденіи известной націи, ея отишеніяхъ къ другимъ родственнымъ, ея исконой прародинѣ и т. д., положеніе ученаго осложняется еще тѣмъ обстоятельствомъ, что ихъ рѣшеніе зависитъ отъ результатовъ не одного только историческаго изслѣдованія въ тѣсномъ смыслѣ слова, а отъ комбинаціи выводовъ цѣлаго ряда разнообразныхъ дисциплинъ: и первобытной археологіи, и лингвистической палеонтологіи, и этнографіи, и географіи какъ физической, такъ и животныхъ и растеній. Но каждая изъ этихъ наукъ имѣетъ свою необъятную литературу и свои иногда весьма сложные методы, и потому сводить въ одно цѣлое ихъ выводы можетъ ученый лишь исключительныхъ дарованій и эрудиціи.

При такихъ обстоятельствахъ, рѣшать вопросъ о прародинѣ известнаго племени значитъ, въ сущности, рѣшать уравненіе со многими неизвѣстными, и потому неудивительно, что и болѣе частный вопросъ о колыбели славянскаго племени до сихъ поръ такъ рѣдко вызывалъ попытки даже приблизительнаго его рѣшенія. Вотъ уже болѣе ста лѣтъ существуетъ наука славянскихъ древностей, какъ строго-научная система знанія, и что же мы видимъ?

Въ ея области нѣтъ ни одного сколько-нибудь важнаго вопроса, который за это время не подвергся бы (иногда даже нѣсколько разъ) коренному пересмотру, но проблема о праславянской прародинѣ все еще остается въ томъ же самомъ положеніи, въ какомъ она была формулирована въ 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія безсмертнымъ Шафарикомъ въ его знаменитыхъ „Славянскихъ Древностяхъ“. Именно этотъ гениальный ученый, послѣ многолѣтнихъ и чрезвычайно тщательныхъ изученій, пришелъ къ выводу, что языкъ славянскаго пранарода впервые зазвучалъ на сѣверо-западныхъ и сѣверо-восточныхъ отрогахъ Карпатъ, т. е. въ области, приблизительно совпадающей съ предѣлами нынѣшнихъ Галиціи, Волыни и Подолья. Это положеніе вошло очень скоро въ научный обиходъ и мало-по-малу стало даже своего рода догматомъ Славянскихъ Древностей: не только чешскіе, но и инославянскіе и иностранные ученые привыкли смотрѣть на него, какъ на истину самоочевидную, почти не требующую доказательствъ. И справедливость требуетъ сказать, что такая популярность гипотезы Шафарика была вполнѣ ею заслужена: ея аргументація была обставлена такимъ богатымъ аппаратомъ историко-археологическихъ и лингвистическихъ изысканій и излагалась съ такой желѣзной логикой, что почти безъ малѣйшаго для себя ущерба выдержала пробу болѣе чѣмъ полувѣковой работы научной мысли, которая, хотя отъ многихъ другихъ построеній того же Шафарика не оставила камня на камнѣ, но его теорію о Прикарпатьѣ, какъ родинѣ предковъ славянства, оставила неизблемой. Что такая ея оцѣнка нисколько не является преувеличенной, лучше всего доказываетъ тотъ фактъ, что когда въ началѣ текущаго столѣтія профессоръ пражскаго университета Люборъ Нидерле приступилъ къ составленію своего монументальнаго труда о славянскихъ древностяхъ, который, по его замыслу, долженъ былъ заново перестроить въ общемъ уже устарѣвшее знаніе Шафарика, то онъ многое въ немъ измѣнилъ, еще больше передѣлалъ, но его фундаментъ, его ученіе о праславянской прародинѣ не только оставилъ неприкосновеннымъ, но еще болѣе углубилъ и укрѣпилъ своими наблюденіями и открытіями¹⁾.

¹⁾ Въ аттѣ Нидерле повторилъ свои выводы въ своей весьма интересной статьѣ „Najdawniejsze siedziby Słowian“, напечатанной въ книгѣ „Początki kultury słowiańskiej“ (Enc. Polska. t. IV, cz. v, dz. V).

При такихъ обстоятельствахъ, слава Прикарпатья какъ основной ячейки „безчисленнаго народа венедовъ“, казалось бы, могла бы считаться упроченной, если не навсегда, то надолго. Но — замѣчательный фактъ: именно теперь, когда, послѣ сдѣланной проф. Нидерле систематической ревизіи вопроса, должны были бы умолкнуть послѣднія сомнѣнія, въ научной литературѣ все чаще и чаще стали раздаваться противъ популярной теории протесты. Такъ въ 1908 г. профессоръ краковскаго университета Ростафинскій въ специальной статьѣ „О pierwotnych siedzibach i gospodarstwie słowian“ (на основаніи данныхъ общеславянскаго словаря о растеніяхъ и животныхъ, обитавшихъ на славянской прародинѣ, ищетъ колыбель славянскаго племени въ центральной Россіи, доводя ея западную границу почти до предѣловъ распространенія бука и тиса. Къ еще болѣе смѣлымъ выводамъ пришелъ другой краковскій учный Розвадовскій: анализируя названія рѣкъ въ центральной и восточной Россіи, онъ убѣдился въ индо-европейскомъ происхожденіи большей части ихъ, и это даетъ ему возможность передвинуть прародину славянства далеко къ востоку отъ Нѣмана и Днѣпра, — чуть не къ берегамъ Волги (ср. его статью „Kilka uwag do przedhistorycznych stosunków wschodniej Europy i praojczyzny indoeuropejskiej na podstawie nazw wod RVI 58).

Какъ ни интересны взгляды Ростафинскаго и Розвадовскаго, мы можемъ пока оставить ихъ въ сторонѣ, и не только потому что они принадлежатъ перу дилеттантовъ въ вопросахъ Славянскихъ Древностей — Ростафинскій по специальности ботаникъ, а Розвадовскій сравнительный языковѣдъ, — но и потому, что они аргументируютъ крайне односторонне, — исключительно на основаніи данныхъ номенклатуры нѣкоторыхъ растеній и животныхъ, съ одной стороны, и нѣкоторыхъ рѣкъ, съ другой.

За то тѣмъ болѣе внимательно мы должны прислушаться къ голосу одного изъ первыхъ славистовъ XX в., безвременно почившаго академика Шахматова, который сначала кратко въ введеніи къ своему „Очерку древнѣйшаго періода исторіи русскаго языка“. (П-гдѣ 1915), а потомъ болѣе подробно въ „Введеніи въ курсъ исторіи русскаго языка“. (П-гдѣ 1916, стр. 26 sq.) со свойственной ему эрудиціей и остроуміемъ развилъ совер-

шенно новый взглядъ на мѣстоположеніе и границы славянской прародины. Я скажу даже болѣе: этотъ взглядъ и оригинальностью постановки вопроса и смѣлостью выводовъ такъ рѣзко отличается отъ всего, что мы до сихъ поръ читали и слышали по интересующему насъ вопросу, что онъ могъ бы произвести настоящую революцію въ славянскихъ древностяхъ, если бы только можно было быть вполне увѣреннымъ въ его безусловной вѣрности. Оставляя пока въ сторонѣ послѣдній вопросъ, я позволю себѣ сначала изложить сущность гипотезы незабвеннаго русскаго ученаго.

Онъ приступаетъ къ ней нѣсколько издалека. Какъ и громадное большинство другихъ лингвистовъ, и Шахматовъ не сомнѣвается, что языки балтійскіе, т. е. прусскій, литовскій и латышскій, и славянскіе съ генетической точки зрѣнія представляютъ не что иное какъ діалекты общаго балтійско-славянскаго языка. А такъ какъ балтійцы, согласно мнѣнію большинства археологовъ, являются автохтонами Прибалтійскаго края, то тѣмъ самымъ Шахматовъ принужденъ признать, что „этотъ край былъ прародиной предковъ славянъ, когда они составляли одно цѣлое съ балтійцами“. Этотъ выводъ подтверждается, по его мнѣнію, тѣмъ обстоятельствомъ, что ни славяне, ни балтійцы не сохранили исконнаго (туземнаго) названія дерева буква, но употребляли вмѣсто него слова, заимствованныя изъ германскихъ языковъ. Такъ какъ букъ не растетъ восточнѣ линіи Кенигсбергъ — Каменецъ-Подольскъ, то отсутствіе туземнаго названія буква у обоихъ племенъ приходится объяснять только тѣмъ, что они познакомились съ этимъ растеніемъ, уже послѣ того какъ они удалились изъ своей прародины на западъ въ область р. Вислы, гдѣ, встрѣтивъ буковые лѣса, назвали букъ словомъ, принадлежащимъ автохтонамъ Привислиня — германцамъ.

Итакъ, балтійцы и славяне составляли нѣкогда одну семью. Прошло нѣсколько вѣковъ, и эта семья распалась на двѣ новыя семьи, — балтійскую и славянскую. Возникаетъ новый вопросъ: въ какомъ же географическомъ положеніи оказались теперь славяне по отношенію къ своимъ ближайшимъ родичамъ-балтійцамъ? Жили-ли они на югѣ отъ нихъ, или на сѣверѣ, или востокѣ, или на западѣ?

Сверхъ всякаго ожиданія, Шахматовъ находитъ возможнымъ отвѣтить на этотъ вопросъ лишь въ послѣднемъ смыслѣ. Именно онъ утверждаетъ, что „первой, исконной родиной славянъ было

балтійское побережье, точиѣ—нижнее течение Нѣмана и Сѣв. Двины“. Доказательства его слѣдующія.

1. Въ славянскихъ языкахъ существуетъ довольно значительное число словъ, заимствованныхъ изъ германскихъ языковъ въ то время, когда первые составляли еще одно цѣлое. И особенно замѣчательно, что почти всѣ эти слова представляютъ собой не какія-либо безразличныя понятія, а очень важныя *termini technici*, какъ, напр., князь, пѣнязь, мыто, усерязь, изба, хижина и др. Это обстоятельство и указываетъ, по мнѣнію Шахматова, на то, что славяне на своей прародинѣ тяготѣли не на югъ, а на западъ,—къ германцамъ, отъ которыхъ они заимствовали свою матеріальную культуру, свой военный бытъ и политическое устройство (стр. 28).

2. Данныя общеславянскаго словаря указываютъ на то, что въ славянской прародинѣ росло дерево тисъ и вьющееся растеніе плющъ. Между тѣмъ, изъ географіи растеній извѣстно, что линія распространенія обоихъ этихъ растеній совпадаетъ съ чертой, которая идетъ черезъ о-въ Эзелъ въ Курляндію, расчленяя ее на западную и восточную части, далѣе черезъ Ковенскую и Виленскую губерніи на Гродно, Каменець-Подольскъ и Кишиневъ. „Слѣдовательно, умозаключаетъ Шахматовъ, мы не можемъ отнести прародину славянъ въ Польше и сѣверное Поднѣпровье, но съ полной вѣроятностью относимъ ее къ Балтійскому морю, восточное побережье котораго южнѣ Финскаго залива знаетъ въ дикорастущемъ состояніи и плющъ и тисъ“ (стр. 29).

3. Балтійцы и славяне обозначаютъ море словами различнаго происхожденія: въ то время, какъ послѣдніе называютъ его *morje*, первые словомъ *jurès*. А такъ какъ только первое имя имѣетъ въ другихъ языкахъ несомнѣнныхъ родичей (лат. *mare*, двн. *meri* и пр.), то ясно, что „было время, когда славяне оставались у моря, между тѣмъ какъ литовцы были оттиснуты отъ него на востокъ“ (стр. 29).

Кромѣ этихъ трехъ положительныхъ доказательствъ, Шахматовъ проводитъ и рядъ соображеній отрицательнаго свойства. „Допустивъ, говоритъ онъ, что славяне сидѣли нѣкогда ближе, чѣмъ германцы, къ очагамъ средиземно-морской культуры, мы не поймемъ, почему блага этой культуры, по ясному свидѣтельству языка, проникали къ нимъ черезъ посредство германцевъ. Допустивъ, что славяне исконно продвинулись въ среднюю Европу,

мы не поймемъ, напр., того, почему знакомство славянъ съ кельтами и Дунаемъ предполагаетъ германское посредство... Но главнымъ возраженіемъ моимъ является то, что, сидя въ Полѣсьѣ или Карпатахъ, славяне оказались бы въ районахъ, промежуточныхъ между двумя культурами, во-первыхъ, той средиземно-морской, которая шла къ нимъ черезъ посредство германцевъ, во-вторыхъ, той, которая должна была бы вліять на нихъ съ юга, съ берега Чернаго моря или съ Балканскаго полуострова. Нахождение подъ вліяніемъ двухъ культуръ привело бы славянъ къ неминуемому распаденію на двѣ культурныя области; между тѣмъ, славянскіе языки въ исконномъ своемъ словарномъ составѣ не обнаруживаютъ подобной раздвоенности (стр. 32).

Выяснивъ мѣстоположеніе прародины славянъ, Шахматовъ переходитъ къ характеристикѣ ея этнографической среды.

Какъ уже указано выше, на юго-западѣ славяне соприкасались съ сидѣвшими на берегахъ Вислы германцами, служившими какъ-бы передаточнымъ пунктомъ произведеній средиземно-морской культуры. Отсюда же та же культура проникла къ восточнымъ сосѣдямъ славянъ — къ балтійцамъ, населявшимъ побережья верхняго теченія Нѣмана и Зап. Двины. Наконецъ, на юго-востокѣ со славянскимъ племенемъ сосѣдили финны: въ ихъ рукахъ находилось сѣверное Поднѣпровье и Полѣсье. На крайнемъ западѣ ихъ поселенія доходили до германскихъ, и этимъ объясняется, почему только въ западной группѣ финскихъ языковъ (т.-е. въ языкахъ суоми, эстовъ, корелы и пр.) сохранились слѣды германскихъ заимствованій, тогда какъ восточная группа (т.-е. языки вотяцкій, зырянскій, остяцкій, черемисскій и мордовскій) остались внѣ этого вліянія. Такъ какъ славяне съ востока были отгорожены отъ финновъ балтійцами, то понятно, что ихъ языкъ могъ повліять только на западную отрасль финскаго племени, но балтійскіе языки втянули въ сферу своего вліянія финскую языковую область цѣликомъ. То же слѣдуетъ сказать о воздѣйствіи иранскихъ и вообще арійскихъ языковъ. Слѣды этого воздѣйствія заходятъ въ эпоху глубочайшей древности въ эпоху единства иранскаго и индійскаго языковъ, т.-е. въ эру арійскую. „Передъ нами, продолжаетъ Шахматовъ, раскрывается, такимъ образомъ, слѣдующая картина: арійцы, оторвавшись отъ балтійскаго района, перешли къ Черному морю; ихъ мѣста заняли финны, раньше жившие, очевидно, восточнѣе, — въ бассейнѣ Оки и

Волги. Удаленіе арийцевъ съ юга Россіи повело къ временному господству здѣсь другихъ народностей, возможно, что и финновъ. Съ теченіемъ времени, однако, южная Россія стала достояніемъ *иранскаго племени* скивоовъ, отбросившихъ финновъ къ сѣверу, если дѣйствительно, они заняли передъ тѣмъ мѣста арийцевъ. Финны получили, такимъ образомъ, съ юга въ видѣ сосѣдей *иранцевъ*, сначала скивоовъ, потомъ смѣнившихъ ихъ *сарматовъ*. Вліяніе юга на сѣверъ продолжалось и при этихъ измѣнившихся условіяхъ, такъ какъ, въ сущности, дѣло шло какъ раньше, такъ и теперь, о вліяніи черноморскаго культурнаго района на сидѣвшія къ сѣверу отъ нихъ племена“ (стр. 35—36).

Изъ всего сказаннаго явствуетъ, что финскія поселенія послужили своего рода этнографическимъ валомъ, отгородившимъ на долгія времена славянъ отъ южнорусскихъ степей. Только это и дѣлаетъ понятнымъ, почему такъ крайне незначительно было вліяніе иранскихъ языковъ на словарный составъ праславянскаго языка; да и тѣ немногія слова, которыя, какъ *богъ*, *топоръ*, *сѣто*, дѣйствительно, носятъ печать иранскаго происхожденія, могли проникнуть къ славянамъ черезъ посредство финновъ. Еще меньше въ праславянскомъ языкѣ сохранилось греческихъ элементовъ; единственно достовернымъ представляется Шахматову лишь имя *корабль* (изъ греч. *κάραβος*), но и оно могло проникнуть къ славянамъ черезъ посредство лат. *carabus*. А что, въ частности, славянскія племена ни въ коемъ случаѣ не могли доходить до Волыни, это доказываютъ, по мнѣнію Шахматова: 1) наличность неславянскихъ элементовъ въ ея рѣчной номенклатурѣ: *Днѣпра*, *Днѣстра*, *Бура*, *Ибра*, *Кодры*, *Стари*; 2) самое названіе Волыни, которое скорѣе германское, чѣмъ славянское, — повидимому, его германская форма *Valhini* означала „страну волоховъ“ или „кельтовъ“ (герм. *h* исчезло будто бы въ этомъ словѣ такъ же, какъ оно пропало въ словѣ *регинь*, въ соответствіи съ герм. *ferhuni*, откуда лит. *perkunas*).

Такова этнографическая картина, которую имѣла Россія незадолго до выступленія славянъ на историческую арену. Спрашивается, въ какой же степени она подтверждается показаніями классическихъ авторовъ?

Геродотъ (V в. до Р. X.) имѣлъ болѣе или менѣе удовлетворительныя свѣдѣнія о народахъ, примыкавшихъ къ черноморскому

культурному району, т. е. прежде всего о скивахъ, а потомъ о тяготѣвшихъ къ нимъ андрофагахъ, меланхленахъ и неврахъ. Вслѣдъ за Томашкомъ, и Шахматовъ видитъ въ андрофагахъ лишь буквальный греческій переводъ имени мордва, которое будто бы на иранскомъ языкѣ звучало *marđxvar* (*marđ* „человѣкъ“, *xvar* „пожирать“). А такъ какъ сама мордва такъ себя не называетъ, а именуетъ себя либо Эрзей, либо Мокшей, то Шахматовъ остроумно догадывается, что мордвой это племя назвали тѣ русскіе, которые пробивались съ юга черезъ поселенія иранцевъ. Согласно съ Томашкомъ, Шахматовъ считаетъ меланхленовъ предками нынѣшнихъ черемисовъ, донинѣ одѣвающихся въ черное платье, но, вопреки не только Томашку, но и громадному большинству другихъ ученыхъ, онъ признаетъ *невровъ* не славянами, а западными финнами, т. е. предками современныхъ суоми, вепсовъ, карелы и т. д.

Свѣдѣнія Геродота о народахъ черноморскаго культурнаго района дополняютъ до извѣстной степени Тацитъ (I в. по Р. X.) своими интереснѣйшими сообщеніями объ этнографическихъ отношеніяхъ въ Прибалтійской культурно области. Именно, его описаніе вполне подтверждаетъ, что „Пови линье было занято германцами, именно готами. Далѣе на востокъ сидѣли финны (*Fenni*), слѣдовательно, въ бассейнѣ Зап. Двины и Припяти. Къ сѣверовостоку Тацитъ отмѣчаетъ венодовъ и эстовъ (*айстовъ*)“ (стр. 39). Первые есть, конечно, славяне, а вторые—одно изъ прибалтійскихъ племенъ, но ни въ какомъ случаѣ не предки нынѣшнихъ эстовъ, какъ обыкновенно принято думать.

Наконецъ, Птолемей (II в. по Р. X.) „называетъ балтійское море венодскимъ заливомъ и свидѣтельствуетъ о многочисленности венодскаго племени. Отсюда явствуетъ, что славяне въ его время не слишкомъ были удалены отъ Балтики. Къ югу отъ венодовъ были расположены селенія готовъ, а южнѣе—финскія. На востокъ отъ венодовъ жило балтійское племя, Галинда. Такимъ образомъ, дѣйствительно Птолемей изображаетъ въ общемъ тѣ же самыя отношенія, которыя нашъ авторъ только что возстановилъ: готы сидятъ южнѣе славянъ, восточнѣе же славянъ—балтійцы, еще южнѣе — финны. Итакъ, заключаетъ Шахматовъ, первоначальную родину славянъ ищемъ въ бассейнахъ нижнихъ теченій Зап. Двины и Нѣмана. Возможно, что они распространились и

таже къ югу протая по берегамъ Нарва и Зал Буга гдѣ
сталкивались съ финнами“ (стр. 40).

Съ теченіемъ времени эта территория перестала удовлетворять
р. руслы. произошло это при такихъ обстоятельствахъ.

Ближайшими юго-западными и западными сосѣдями славянъ
были восточные германцы, въ частности, савлы. Они произвели
такое сильное впечатлѣніе на славянъ что для послѣднихъ имя
имя стало синонимомъ гиганта цел. (ср. сполинъ, исполинъ
„*spulnas*“). Можеть быть, подъ давленіемъ славянъ, савлы удалились изъ
тѣхъ отпоръ и здѣсь, они утвердились въ Поднѣстровьѣ, гдѣ
стали извѣстны евро-романскому міру подъ именемъ басларовъ.

поселенія савловъ въ Повислинь заняли готы, и ихъ националь-
ное имя * *tjudos* сдѣлалось для славянъ нарицательнымъ именемъ
„великанъ (дц. шмакъ *tjud*). Мало того, слово *tjudis* / *tjudo* было
применено славянами и на подкарпатскій юго-западнй финскій
(ср. Чудь).

Когда же въ концѣ 11 в. по Р. Х. готы двинулись на югъ. въ
степи теперешней полуденной Россіи, а оттуда на Балканскій полу-
островъ, то опустѣвшую привислянскую низменность заняли сла-
вяне. Оттуда они, повидимому, намѣревались идти по слѣдамъ
готовъ на югъ добывать балканы. на это намекаетъ какъ судю
тотъ фактъ, что сѣверное Повислинье захватывается пруссами,
однимъ изъ балтскихъ племенъ. Тѣмъ не менѣе мы съ полнымъ
основаніемъ можемъ считать Привислинскій край *второй родиной*
славянъ.

Такой важнѣйшій взглядъ на прародина славянъ какъ
онъ выраженъ въ двухъ указанныхъ трудахъ покойнаго ученаго. По-
смотримъ теперь, въ какой степени его можно признать доказаннымъ.

безпристрастный читатель невольно поражается однимъ чрезвы-
чайно важнымъ,—я скажу даже болѣе—фундаментальнымъ про-
блѣмъ въ его аргументаціи. Если, дѣйствительно, прародина
славянъ находилась въ области нижняго теченія вѣкъ Зал. Ливны
и Нѣмана, т. е. въ предѣлахъ нынѣшней Курляндской губерніи, то
первой задачей изслѣдователя былъ бы тщательный анализъ топо-
графической номенклатуры этой губерніи. И если бы Шахматову

удалось доказать, что въ основѣ хотя бы нѣкоторыхъ названій рѣкъ, озеръ, горъ, долинъ и разнаго рода урочищъ Прибалтійскаго края лежатъ славянскіе корни, то его теорія получила бы извѣстную опору, во всякомъ случаѣ, не меньшую, чѣмъ то ученіе, которое, на основѣ славянскаго происхожденія значительной части географическихъ названій, утверждаетъ, что вся восточная Германія отъ Эльбы до Одера и Вислы была нѣкогда сплошь заселена славянами. Къ великому сожалѣнію, покойный ученый не далъ себѣ труда провѣрить свой взглядъ на матерьялѣ топографической номенклатуры края и тѣмъ лишилъ его единственно-прочнаго базиса.

Взаимно того напр. ученый для показательства своей теоріи пользуется данными, крайняя шаткость которыхъ очевидна. Такой характеръ носить уже отправная предпосылка его теоріи, что общае болѣе чѣмъ у славянскихъ народовъ, особенно у восточныхъ, отъ географической лѣнии Кенигсбергъ — Каменецъ-Подольскій. Главнымъ основаніемъ для этого положенія является, какъ мы видѣли выше, отсутствіе въ балтійскихъ и славянскихъ языкахъ туземнаго названія дерева *букъ*. Но изъ отсутствія извѣстнаго слова въ данномъ языкѣ очень опасно заключать о незнакомствѣ его носителей съ обозначаемымъ имъ предметомъ. Изъ исторіи любого языка можно привести десятки и сотни примѣровъ постепеннаго исчезновенія однихъ именъ и замѣны ихъ другими. Въ настоящее время, напр., мы не слышимъ ни въ одномъ изъ славянскихъ языковъ имени *ушь* въ значеніи растенія „терніе, волчець“. А что это слово существовало еще въ старорусскомъ языкѣ, въ этомъ можетъ свидѣтельствовать Срезневскаго на стр. 1345. Но, въ дѣйствительности, это слово пошло изъ литовскаго языка (Ильин, XXIII, стр. 140, 141) и не слѣдуетъ отдѣлять отъ литовскаго названія того же растенія *ušnis*. Такимъ образомъ, на памяти исторіи одно названіе вытѣснило изъ употребленія національными русскими названіями явсвиднаго растенія: *лишникъ*, *ятрышникъ* и *ядругинникъ*: въ литературномъ языкѣ они вытѣснили свои литовскія названія *ušnis* и *ušnis* *oragidea*, а въ народномъ они уцѣлѣли лишь въ очень немногихъ говорахъ (ср. изв. Ю. 101 стр.). И недалеко, быть можетъ, время,

когда и здѣсь они потонуть въ пучинѣ забвенія, и имя *орхидея* получить право исключительнаго гражданства въ русскомъ языкѣ.

Но и тогда какой смѣльчакъ рѣшится утверждать, что предки праславянскаго народа советовали себѣ возбудить на своей территории растенія изъ семейства орхидей?! Чтобы наглядно показать, къ какимъ абсурднымъ положеніямъ можетъ вести излишнее увлеченіе данными ботанической номенклатуры, допустимъ, что имя *сосна*, извѣстное теперь лишь русскому и польскому языкамъ, по какимъ-либо причинамъ вышло изъ употребленія въ обоихъ языкахъ еще до начала письменности. А такъ какъ другіе славянскіе языки обозначаютъ тоже дерево именемъ *borъ* либо въ единичномъ смыслѣ (ср. б. *borъ*, сх. *bōr*, с. *bor*), либо въ собирательномъ (ч. *bór*, слж. *bór*, п. *-bór*, р. *боръ*), которое теоретически можетъ быть выведено изъ герм. языковъ (ср. др.-исл. *borr*, др.-англ. *beoro*), что дѣйствительно и допускаютъ Нirt P. В. В. XXIII 331 и Peisker Bez. 59 при нейтральномъ отношеніи Verneker'a I 76 и Преображенскаго I 39,—то иному ученому могла бы легко явиться въ голову мысль, что на славянской прародинѣ дерево *сосна* не росло совсѣмъ, и что славяне познакомились съ нимъ лишь при посредствѣ нѣмцевъ. Конечно, въ виду общесл. *jedla* и *jedľ* (цсл. кала., п. *jodla*, р. *ель* и пр.), обозначающихъ вѣрную спутницу сосны, эта гипотеза представляла бы верхъ нелѣпости, но въ *логическомъ отношеніи* она, право, была бы ни лучше и ни хуже той теоріи, которая чертитъ карту прасл. прародины на основѣ предвзятаго предположенія, что славяне не имѣли своего названія для дерева *букъ*.

Да, предвзятаго! Подобно тому какъ вышеприведенное германское названіе „лѣса“ лишь этимологически родственно съ *borъ* (ср. Младеновъ Герм. эл. 26), и герм. назв. *бука* (ср. див. *buchha* „букъ“) имѣетъ близкаго родича въ *бузь* (р. діал. *бузь* „бузина“, литер. *бузина*) и на другой ступени вокализаціи—*бъзь* (б. *bazъ*, сх. *baz*, ч. *bez* и пр.) Правда, послѣднія имена обозначаютъ не *букъ*, а другое раст. (*sambucus*), но, какъ извѣстно, ничто такъ часто не мѣняетъ своего значенія, какъ ботаническіе термины. А потому сомнѣваться въ родствѣ нѣм. *Buche* со слав. *бузь* приходится также мало, какъ и въ родствѣ, напр., слав. *сли* съ лат. *ebulum* „бузина“, или слав. *ива* съ лт. *ėva* „черемуха“ и гт. *ys* „тисть“ (ср. Verneker I 261, 438, Преображенскій I 214, 262). А если такъ, то весьма правдоподобно предположеніе, что славяне на

своей прародинѣ знали и самое дерево *букъ* и его исконное назв. *бузь*, но съ теченіемъ времени перенесли его на *бузину*. И можно даже догадываться, почему это произошло. Согласно остроумной гипотезѣ Вгückнера KZ XLVI 193, славяне на своей прародинѣ знали (главнымъ образомъ, но не исключительно) бѣлый букъ (*Carpinus*), который они называли *grab(r)ъ*, т.-е. „грабомъ“; по мѣрѣ своего распространенія въ области красного бука, они перенесли названіе перваго на второй; но продукты бука (напр., жолуди) и вещи, сдѣланныя изъ его матерьяла (напр., дощечки), они получали отъ нѣмцевъ, почему послѣднія и носили нѣмецкія наименованія (*buku*, р. *bukwe.*) Впослѣдствіи, по образцу *grabъ*, было составлено къ *buku* новое имя *bukъ*. Это обстоятельство,— продолжимъ мы аргументацію Вгückнера,— и послужило причиной того, что исконное слав. названіе красного бука *бузь* въ однихъ говорахъ, праядъ, язичк, исчезло совсѣмъ, а въ другихъ было перенесено на „бузину“, имя которой, поэтому, врядъ-ли случайно оказывается въ исконномъ родствѣ съ лат. назв. красного бука *букъ* (ср. Ветчинск. I 111).

Можетъ быть, и эта гипотеза невѣрна, но одно ясно: *кажуتمعся* отсутствіе въ общеслав. словарѣ туземнаго названія для дерева *букъ* отнюдь не доказываетъ того, что на территоріи нашихъ предковъ это дерево не росло совсѣмъ, и что, въ частности, этой территоріей не могъ быть Прикарпатскій край, богатый, между прочимъ, и буковыми лѣсами.

Во всякомъ случаѣ, ботаническая номенклатура можетъ быть привлекаема къ обсужденію вопросовъ этнологическаго характера лишь при гарантіи исконности ея доисторической традиціи. Безъ такой гарантіи мы не можемъ придавать значеніе и тому аргументу Шахматова, который ищетъ опоры для праслав. хорографіи въ общеслав. названіяхъ *тиса* и *плюща*. Такъ какъ обозначаемыя этими названіями растенія не растутъ восточнѣ черты—о-въ Эзель—Кишиневъ, то Шахматовъ и приближаетъ прародину славянъ къ Балтійскому морю, на восточныхъ берегахъ котораго растутъ и плющъ и тисъ.

Но, во-первыхъ, оба растенія не менѣе хорошо извѣстны и въ Прикарпатѣ, и потому предварительно Шахматову слѣдовало бы доказать, что славяне не могли познакомиться съ ними именно здѣсь. А, во вторыхъ, нужно еще провѣрить, всегда ли

обозначали *тисъ* и *плющъ* тѣ растенія, казія обозначаютъ теперь. Напр., *bljuščь* и *pljuščь*, какъ образованныя отъ корней *blju-* „блевать“ и *plju-* „плевать“ (Benkeker I 65), могли первоначально обозначать ядовитыя растенія вообще и лишь впоследствии получить болѣе специальное значеніе „Erheu“.

На знакомство предковъ славянъ съ балтійскимъ моремъ, по мнѣнію Шахматова, указываетъ также наличность въ иде. языкѣ стараго иде. названія „широкой водной поверхности“ (ср. *morje* при двр. *meri*, лат. *mare*). Правда, и балтійцы знаютъ соответствующій корень (*marės*), но у нихъ онъ означаетъ „озеро“ и только, въ частности, „Рижскій заливъ“.

Пусть такъ, но слѣдуетъ-ли изъ этого, что славяне увидѣли море раньше, чѣмъ балтійцы? Конечно нѣтъ! Соображенія Шахматова могли бы претендовать на *нѣкоторую* долю вѣроятія лишь въ томъ случаѣ, если бы имя *jurės* было заимствовано, но на самомъ дѣлѣ это имя представляетъ такое же древнее *индоевропейское* образованіе, какъ и слав. *morje*. Какъ показалъ Hirt Ablaut § 380, лт. *jurės* восходятъ къ пр. двусложному корню *emār-*, откуда возникло, съ одной стороны, др.-инд. *var* „вода“, а, съ другой стороны, др.-нѣм. *ur* „тонкій дождь“, лат. *urina*. Слѣдовательно, первоначально и лт. *jurės* могло означать не „море“, а вообще „воду“, „жидкость“, а его современное значеніе „морская вода“ могло явиться результатомъ позднѣйшей специализаціи, совершившейся, по всей вѣроятности, уже по отдѣленіи балтійцевъ отъ славянъ.

Но то, что въ балтійскомъ языкѣ произошло съ корнемъ *jur-*, въ прасл. языкѣ могло повториться и съ его дублетомъ *mar-*. Какъ свидѣтельствуютъ лт. *mar's* „стоячая вода, озеро“ и нѣм. *Moor*, отъ которыхъ, какъ вѣрно указалъ еще Jagić Ents. 2 15 sq. неотдѣлимы и слав. *Morava*, *Morača* и т. п.,— и иде. *marī* означало искони „вообще болѣе или менѣе широкой водоемъ“, въ томъ числѣ и „море“. Но слѣдуетъ-ли изъ этого, что прасл. языкъ зналъ *morje* именно въ послѣднемъ значеніи? И не вѣрнѣе-ли думать, что славяне на своей родинѣ обозначали этимъ корнемъ „болота“, „озера“, „рѣки“, и что лишь впоследствии, когда они дошли до береговъ Балтійскаго или Чернаго моря, естественно, перенесли его и на морскую воду? Другими словами, это значить, что *morje* можетъ быть очень старымъ (во всякомъ случаѣ, праславянскимъ) *семасологическимъ* новообразованіемъ.

Какъ третій аргументъ своего положенія, что славяне тяготѣли не на югъ, а на западъ, къ привислинскимъ германцамъ, Шахматовъ выставляетъ обиліе въ общеслав. словарѣ словъ германскаго происхожденія, имѣющихъ, по большей части, весьма важное культурное, въ частности, техническое значеніе. Но высказывая такое предположеніе, Шахматовъ, къ сожалѣнію, не объясняетъ, почему эти германизмы не могли проникнуть въ общеславянскій языкъ въ другомъ мѣстѣ. Мы знаемъ, напр. что въ IV в. по Р. Х., между Днѣпромъ и Карпатами, существовала могущественная держава готскаго короля Эрманариха. А такъ какъ исторически доказано, что въ числѣ подданныхъ этого короля были и славяне, то не естественнѣе-ли предположить, что именно тогда и вошли въ слав. лексиконъ германскіе политическіе, военные и хозяйственно-экономическіе термины: *koneđzъ*, *šelmzъ, *chuzъ*, *istba*, *chlěvъ*, *tyň*, *holdedzъ, *sklědъ*, *pěnedzъ*, *nyto*, *userečъ*? Но и въ этомъ случаѣ не слѣдуетъ преувеличивать германскаго вліянія на славянскій языкъ! Какъ почти всегда, Шахматовъ и въ разбираемомъ изслѣдованіи не хочетъ знать результатовъ изысканій своихъ предшественниковъ, но, какъ почти всегда, лишь въ прямой ущербъ своей собственной работѣ. Если не изъ специальной очень цѣнной монографіи Младенова „Старитѣ германски елементи въ словѣнски язици“ (София 1910), то изъ этимологическихъ словарей Вернекер’а и Преображенскаго онъ могъ бы убѣдиться, что многія изъ приведенныхъ имъ якобы германскихъ словъ на самомъ дѣлѣ имѣютъ совсѣмъ другое происхожденіе. Такъ напр. *čedo* ничего не имѣетъ общаго съ нѣм. *Kind*: оно родственно со слав. *čьno* и др.-инд. *kaluā* „дѣвушка“ (ср. Младеновъ 143, *Berneker* I 154); *gotovъ* вѣрнѣе сближать не съ герм. *ga-taujan* „совершать, дѣлать“, а съ алб. *gat* „готовить“ (G. Meyer Alb. EWb. 12, Младеновъ 50, *Berneker* 338, Преображенскій 153); о *melko „молоко“, послѣ обстоятельнаго изслѣдованія Јанко *WS* I 100,—изслѣдованія, съ результатомъ котораго согласился и *Berneker*,—нельзя сомнѣваться, что оно въ лучшемъ случаѣ находится лишь въ этимологическомъ родствѣ съ нѣм. *Milch* (ср. также Младеновъ 71 и Преображенскій I 551); *čborakъ* „мѣра емкости“, какъ остроумно показалъ Младеновъ Р Ф В LXIII 318 sq., GE 147, гораздо ближе по звукамъ съ гр. *ἀφρορῶς* „родъ сосуда“ и др.-инд. *ambhṛnās*, чѣмъ къ двн. *einbar*, ввн. *Eimer*; вопреки *Berneker*’у

Г 647 и Преображенскому Г 414 и согласно Младенову 25, 69, и *kupiti* скорѣе исконно-родственно съ лат. *caupo*, чѣмъ заимствовано изъ нѣм. *Kaupon*; о *blydo* ср. соображенія Обнорскаго въ статьѣ „Готское-ли заимствованіе слова *блудо*“? (Р Ф В LXXIII 82), пѣнныя, впрочемъ, скорѣе своей отрицательной стороной, чѣмъ положительной (ср. Изв. XXII, 2, 206); гт. *plinsjan* сами нѣмецкіе ученые (Feist GEWB) склонны вывести скорѣе изъ слав. *plesati*, чѣмъ наоборотъ; относительно *brnja* и *skotz* я позволю себѣ сослаться на свои собственные статьи въ Сборникѣ Истор.-Фил. Общества при Нѣжинскомъ Институтѣ VII 1 sq. и въ Р Ф В LXXIII. 281 sq.

Если исключить эти слова, и если изъять еще нѣкоторыя другія, происхожденіе которыхъ совершенно неясно, какъ *lukъ* (ср. Младеновъ 76, Verneker Г 744, Преображенскій Г 446), тѣсь (Младеновъ 87, Преображенскій Г 533), *chomzi* (Младеновъ 132, Verneker Г 395), *pluzo* (Младеновъ 98, Преображенскій Г), *chleb* (Младеновъ 126, Verneker Г 386), то число *несомнѣнныхъ* германизмовъ въ прасл. яз. не превышаетъ и полутора десятка. А это количество, конечно, слишкомъ ничтожно, чтобы можно было говорить серьезно о какомъ-то извѣчномъ тѣготѣннн славянъ къ нѣмецкой культурѣ.

Да и тѣ немногія блага культуры, которыя действительно проникли къ славянъ черезъ посредство германцевъ, могли дойти до нихъ не только по берегамъ Вислы. Такъ какъ германцы уже въ глубочайшей древности занимали своими поселеніями верхнее теченіе Дуная, то не невозможно допустить, что они уже тогда на своихъ челнахъ спускались внизъ по среднему и нижнему Дунаю и оттуда, по его сѣвернымъ притокамъ, доплывали до южныхъ переваловъ Карпатъ, одинъ изъ которыхъ *бжидскій* не даромъ носить германское названіе (ср. др.-п. *Bieszgaid* при гт. *biskaidan*, ср. Соболевскій РФВ LXIV 101). Отъ нихъ-то славяне и могли впервые услышать не только о Дунаѣ, но и о кельтахъ, и назвать то и другое германскими именами (*Danavia* восходящее къ кельтск. *Danuvius*, и * *wolchъ*, ср. р. *волозь*, южн.-слав. и чш. *vlast* и н. *wloch*). И это могло случиться тѣмъ скорѣе, что, какъ показали Niederle въ своей статьѣ „О времени переселенія славянъ съ сѣвера Карпатскихъ горъ въ Венгрію“ (Труды XI Археологическаго Съѣзда въ Кіовѣ II, 1 sq.), существуютъ самыя

серьезныя историческія и археологическія основанія думать, что предки нынѣшнихъ словаковъ покрыли своими поселеніями, по крайней мѣрѣ, сѣверную часть своей теперешней территоріи еще до Р. Х. ¹⁾ Но даже допуская все это, мы, все-таки, не должны, повторяю, преувеличивать германскаго вліянія, хотя и охотно въ то-же время признаемъ, что оно значительно превышало и своей интенсивностью и экстенсивностью греческое вліяніе. Какъ и Шахматовъ, и я полагаю, что единственно-достовернымъ памятникомъ послѣдняго могло-бы служить имя *korablъь*, если бы только оно не могло перейти къ славянамъ черезъ посредство латинскаго языка (*carabus*). Это показываетъ, что въ Прикарпатскій край, пока онъ былъ исключительно заселенъ славянами, солнце греческой образованности не заходило, а потому говорить объ *одновременномъ* вліяніи двухъ культуръ въ этой области не приходится. А между тѣмъ изъ этой невѣрной посылки авторъ выводитъ и невѣрное слѣдствіе, что славяне, сидя въ Карпатахъ между молотомъ германской культуры и наковальней греческой, неизбежно распались бы на двѣ культурныя области.

Возражая противъ мысли, что въ районъ карпатской прародины славянъ входила, между прочимъ, Волынь, Шахматовъ указываетъ на ея будто бы неславянское названіе (герм. *Valhūni*) или *Velhūni* „страна волоховъ“) и въ которыхъ ея рѣкъ (*Днѣстръ*, *Бугъ*, *Стыръ*, *Ибрь*, *Кодра*). Но если бы наша Волынь дѣйствительно вела свое начало отъ герм. *Valhūni*, то мы ожидали бы на ея мѣстѣ скорѣе *Волохины: на это ясно указываетъ имя *волохъ*, которое самъ Шахматовъ считаетъ германскимъ. Правда, въ подтвержденіе возможности выпаденія *h*, онъ указываетъ еще на *perunъ* (заимствованное будто бы изъ герм. *ferhūni*) и на *волъ* (происшедшее будто бы изъ герм. *wallach* „холщениый быкъ“), но первый изъ этихъ примѣровъ, въ дѣйствительности, находится лишь въ исконномъ родствѣ со своимъ предполагаемымъ германскимъ прототипомъ, отличаясь отъ него, какъ и отъ лт. *perkunas*, лишь отсутствіемъ детерминатива *k*. Въ такомъ же отношеніи чистаго

¹⁾ То обстоятельство, что слухи о великой рѣкѣ дошли до славянъ еще на ихъ прародинѣ, дѣлаетъ понятнымъ, почему память о Дунаѣ донынѣ живеть въ общеславянской рѣчной и личной ономастикѣ, а такъ и почему въ нѣк. п. и р. говорахъ Дунай стало нарицательнымъ названіемъ „потока“, „глубокой воды“. Ср. данныя этого рода у Соболевскаго. Мат. 238.

и распространенного корня находятся, по всей вѣроятности и слав. *volъ* и герман. *wallach*. Въ виду этихъ данныхъ, мы рѣшительно настаиваемъ на нашемъ объясненіи имени *Волынь* (ср. Изв. XVII, 1, 174), какъ чисто славянскаго: оно образовано отъ корня *vel*— „возвышенность“ (ср. п. *wolc* „птичій зубъ“) съ помощью того суфф. *-ynъ*, посредствомъ котораго образованы *pust-ynъ*, *gost-ynъ*, *ladyнь* (ср. *брынский*) и пр.; первоначально *Волынь* обозначала „страну холмовъ“ и, слѣдовательно, она была какъ-бы семасиологической антитезой Подолья какъ „страны долинъ“. Что касается рѣчной ономастики волынскаго края, то славянское происхожденіе имени *Бугъ* уже доказано нами въ особой статьѣ (Сб. Харьк. Об. XIX 251₁₁); по всей вѣроятности, такого же происхожденія и *Стырь*: если оно не образовано отъ иде. основы *sthūri* „сильный“ (ср. Погодинъ Изв. VII, 4, 353), то оно, можетъ быть, тождественно съ др.-русс. *стырь* „руль, кормило“ и п. *ster*: достаточно взглянуть на карту, чтобы убѣдиться, что эта рѣка дѣйствительно извивается на подобіе руля; *Кодра* можетъ быть связана отношеніемъ чередованія гласныхъ съ глаголомъ *kydati* въ томъ значеніи, которое сохранили иде. родичи этого глагола: двн. *sciogan* „бросать, быстро двигаться“ и др.-инд. *kōdati* „гонить, тѣснить“, имя *Днѣстръ* могло вытѣснить исконное славянское названіе верховьевъ этой рѣки, послѣ того какъ славяне спустились на ея низовье, находившееся въ обладаніи иранскихъ сарматовъ. Только *Ибрь* не поддается объясненію, но кто знаетъ, не скрывается ли и въ немъ какой нибудь забытый славянский корень?

Но, быть можетъ, теорію Шахматова подтверждаютъ культурныя связи древнѣйшихъ сосѣдей славянъ?

Ничуть! Тотъ фактъ, что слѣды лит. вліянія сохранились въ обѣихъ главныхъ вѣтвяхъ финскаго языка, западной и восточной, а слѣды славянской—только въ первой, объясняется просто: очевидно, что литовцы или вообще балтійцы, живя на сѣверо-востокѣ отъ прасл. прародины, отглагоживали послѣднюю отъ финновъ; когда же предки нынѣшнихъ литовцевъ выселились на юго-западное побережье Балтики, то славяне оказались лицомъ къ лицу только съ западными финнами, ибо ихъ восточные соплеменники къ тому времени успѣли отдѣлиться отъ нихъ и удалиться на берега Волги. Этому соображенію нисколько не противорѣчатъ и извѣстія Тацита, что финны въ его время (I вѣкъ Р. Х.) сидѣли

на востокъ отъ привислинскихъ готовъ, а славяне (т. е. венеды) и балтійцы (айсты?) къ югу. Но не прошло и вѣка,—и славяне въ своей непрестанной тягѣ къ морю продвинулись такъ далеко, что финны принуждены были отступить передъ ними на востокъ, а балтійцы частью на юго-востокъ (ятвяги), частью на сѣверъ (литовцы), частью на сѣверо-западъ (прусы). Во II в. по Р. Х. славяне были уже хозяевами юго-восточныхъ береговъ Балтійскаго моря, которое, поэтому, Птолемей не напрасно называетъ „венедскимъ“, т. е. славянскимъ.

Если наши соображенія и комбинаціи вѣрны, то, по меньшей мѣрѣ, излишней окажется и та гипотеза Шахматова, что, кромѣ первой прародины въ низовьяхъ Нѣмана и Двины, у славянъ была еще вторая на берегахъ Вислы. Не говоря уже о внутреннемъ противорѣчii, которое скрывается въ самомъ терминѣ „вторая прародина“, мы рѣшительно затрудняемся найти хоть одно позитивное доказательство въ пользу этого предположенія даже какъ „рабочей гипотезы“.

Мы разсмотрѣли со всѣхъ сторонъ нарисованную Шахматовымъ картину праэтническихъ отношеній славянства, и отдавая должное широтѣ размаха ея кисти, красотѣ линий и экспрессіи ея отдѣльныхъ тоновъ, къ великому нашему сожалѣнію, должны сознаться, что, по существу, она передаетъ дѣйствительность въ совершенно-ложномъ освѣщеніи. Но значеніе этой картины мы видимъ не въ ея выводахъ, а въ ея стилѣ и техникѣ: какъ и всякое произведеніе истинно-талантливаго пера, она изобилуетъ новыми оригинальными идеями, и тѣмъ будитъ мысль и побуждаетъ къ новымъ изысканіямъ. Какъ извѣстно, красота духовной личности почившаго ученаго заключалась въ неугасимой жаждѣ научной истины: ради этой истины онъ не боялся ошибаться и по многу разъ перестраивать и передѣлывать свои теоріи, ради нея онъ безъ малѣйшаго чувства личной обиды прислушивался къ чужой критикѣ своихъ положеній и ради нея онъ съ несокрушимой энергіей продолжалъ разрабатывать и привлекать къ изслѣдованію все новые и новые матеріалы, чтобы потомъ на расчищенной почвѣ,—*strando dignimus!*—построить новое, еще болѣе великолѣпное зданіе.